

И.С. ШУШПАНОВА

«ПОСТПРАВДА» В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: РИСКИ И УГРОЗЫ

ШУШПАНОВА Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, доцент, Москва, Россия (i.s.shushpanova@mail.ru).

Аннотация. Феномен культуры и политики «постправды» неоднозначно определяется в научных, журналистских кругах, среди политиков и общественных деятелей. Распространение информации, не основанной на реальных или частично отражающих реальность фактах, наносит ущерб обществу и демократии. Информация способна подрывать общественное доверие граждан и вызвать протестную активность против власти и демократических ценностей, дискредитируя профессиональных журналистов, политиков, властные структуры государств. С целью пресечения распространения культуры «постправды» ряд стран выбрали стратегию усиления цензуры и контроля за информацией в различных источниках. Данный путь может привести к ущемлению прав и свобод граждан, угрозе демократии и становлению авторитарных режимов. Другая стратегия предусматривает формирование политической культуры противостояния «постправде», консолидацию и оптимизацию усилий гражданского общества, государства, средств и источников распространения информации, компаний, занятых в сфере цифровых технологий.

Ключевые слова: «постправда» • демократия • социальные сети • коммуникация • общественное мнение • гражданское общество • информационно-коммуникационные технологии • достоверная информация • фейк • лживая информация

DOI: 10.31857/S013216250003173-3

В эпоху информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) недостоверные, фейковые (fake – подделка, англ.) новости, распространяемые как «альтернативная» точка зрения, в том числе с помощью электронных, цифровых коммуникаций, оказывают влияние на общественное сознание и во многом формируют мнение граждан. Особенно сложно эта проблема решается там, где свобода слова стремится к абсолютным формам проявления, а по содержанию открыто или латентно контролируется. Социальная коммуникация охватывает весь спектр человеческой жизни во всех ее проявлениях. Коммуникацию, стремящуюся к наивысшему благу, Аристотель называл государством или политическим обществом. По его мнению, «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [Аристотель, 2017: 9].

Проблема авторского исследования вытекает из необходимости социологической интерпретации и анализа сущности феномена «постправда», в выявлении его характеристик и свойств с целью проведения эффективной работы по противостоянию данной культуре. С одной стороны, развитие цифровых технологий позволило гражданам оперативно получать информацию и осуществлять обмен ею в сети Интернет. Но с другой – расширение свободы слова и коммуникаций в цифровой реальности привело к распространению культуры «постправды», угрожающей международной безопасности и демократии. В тексте доклада Мюнхенской конференции по безопасности (2017) отмечалось, что

«культура «постправды» питает зарубежные дезинформационные кампании и подрывает саму основу рациональных дебатов, от которой зависят либеральные демократические государства» (цит по: [Левашов и др., 2017: 50]). Цель исследования – проведение социологического анализа понимания сущности феномена «постправды». Задачи – анализ понимания сущностных характеристик «постправды» в историческом контексте и с использованием эмпирической социологической информации, путей противодействия распространению культуры и политики «постправды».

Генезис феномена «постправды». Понятие «постправда» не сразу стало феноменом массового и общественного сознания. Его ввел в оборот сценарист и драматург сербского происхождения Стив Тесич, иммигрировавший в США. В 1992 г. в журнале «Нейшн» он опубликовал эссе «Синдром Уотергейта: правительство лжи», посвященное Уотергейтскому и Иран-контрас политическим скандалам, в котором писал, что народ приобрел духовный механизм, который позволяет отрицать истину, и граждане как свободные люди свободно решили жить в мире «постправды» [Tesich, 1992: 12–13]. Таким образом, «постправда» изначально интерпретировалась как неправда или отрицание истины.

Изначально префикс «post» указывал на время, которое наступило после какого-либо события («post-war»). Данный префикс может иметь дополнительные коннотации, например период времени, в течение которого явление потеряло свою значимость (постмодернизм, «postnationalism», «post-racial»). В термине «post-truth» имеется отрицательная коннотация, характеризующая «политику или эпоху, когда поиск правды отходит на второй план» [Корецкая, 2017: 137]. В эпоху информационных войн фейковые новости, недостоверная информация, основанная на фальшивых данных, преподносятся общественности как истина или правда. В сочетании с префиксом «post» слово «truth» (правда) теряет исходное и приобретает иное значение.

Впоследствии термин «постправда» расширил спектр характеристик. В начале XXI в. понятие «постправда» связывалось с ложью высокопоставленных лиц. Причины ее крылись в политическом удобстве в реалиях международной дипломатии и в фундаментальных противоречиях сложившейся демократии [Alterman, 2004]. Ассоциируя «постправду» с ложью, Э. Альтерман ввел термин «post-truth presidency», апеллируя к тому, что президенты давно лгали американской общественности. Он обращал внимание на то, что долгосрочные издержки лжи на момент произнесения невидимы, но конечные затраты значительны для президентов и для общества, для демократии¹.

Понятие «политика постправды» получило широкое распространение, начиная с 2012 г. Оно ознаменовало эпоху кризиса демократии в западных странах, связанную со становлением типа политической культуры, в рамках которой политика, отраженная в общественном мнении и статьях СМИ, отчуждена от реальной политики властных органов [Roberts, 2010].

Новое качество характеристики термина «постправда» приобрели в связи с событиями в США и Великобритании. Предвыборная гонка за пост президента США и агитационная политика за выход Великобритании из состава ЕС ознаменовались широкомасштабным вбросом большого объема недостоверной информации, обращенной прежде всего к эмоциям избирателей. Такое качество «постправды» было закреплено в ряде словарей мирового уровня. В 2016 г. феномен «постправда» (англ. «post-truth») был внесен в Оксфордский словарь и определялся как обстоятельства, при которых в процессе формирования общественного мнения объективные факты становятся менее влиятельными, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям² [Oxford Dictionaries, 2018]. В Кембриджском словаре термин «постправда» выражал ситуацию, в которой граждане с большей

¹ См.: Alterman E. When Presidents Lie // The Nation. 2004. October, 7; Alterman E. The Cuban Missile Crisis: Thirteen Days... and Fifty Years // The Nation. 2012. October, 30.

² Цит. по электронному изданию Оксфордского словаря: «Post-truth – relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief».

вероятностью примут аргумент, основанный на эмоциях и убеждениях, а не на фактах³ [Cambridge..., 2018]. Общество немецкого языка выбрало словом года прилагательное «postfaktisch», переводимое на русский язык как «постфактический» и обозначающее явление в социально-политических дискуссиях, когда эмоции значат больше, чем факты. Немецкие лингвисты и филологи указывают, что значительно выросло число граждан из разных слоев общества, готовых игнорировать реальность и воспринимать лживую информацию. В словаре Королевской испанской академии термин «posverdad» обозначал намеренное искажение реальности, определяющее убеждения и эмоции с целью влияния на общественное мнение и социальные отношения [Diccionario..., 2018].

Характерной особенностью «постправды» стал аспект ее распространения с использованием информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) путем формирования в СМИ новостной информации, которая может содержать разные пропорции правды и лжи, достоверной и недостоверной информации, манипулируя общественным мнением [Alterman, 2004]. Общественное мнение формируется в ответ на «образы» мира, а массовое политическое сознание имеет отношение к промежуточной «псевдо-окружающей среде», находящейся под воздействием новостной информации в СМИ. В реальности пресса не предоставляет тот объем новостей и достоверной информации, который требуется для поддержания демократии. Качество новостей о современном обществе является показателем его социальной организации, чем лучше функционируют институты, чем больше точек зрения представлено в информации, чем больше вопросов поставлено, чем более объективные критерии рассмотрены, тем с большей вероятностью можно считать такую информацию достоверной. В лучшем случае прессу можно считать слугой определенных институтов, в худшем – она является средством, с помощью которого эксплуатируют социальную дезорганизацию в собственных интересах [Lippmann, 1922].

В распознавании лживой информации факты являются ключевыми. В связи с этим существуют две актуальные проблемы общества эпохи «постправды». Общественные деятели высказывают мнения, которые не соответствуют действительности или характеризуют ее как «альтернативную» реальность. Источник фальшивых новостей, распространяемых через социальные сети, не является надежным, достоверным. Факты могут быть полностью истинными или частично правдивыми только в строго определенном контексте, а споры о том, какое толкование фактов является правильным, зачастую сводятся не к истине, а к соразмерности фактов и вымыслов, приводимых при изложении события [Davis, 2017].

В западных обществах издавна распространены мягкие формы преподнесения гражданам лживой информации. В частично лживых сообщениях используются специальные приемы создания необходимого ложного впечатления о событии. Для политического манипулирования образом реальности эффективно обращение к чувствам, не к рациональному отражению реальности. Технология «постправды» это не столько утверждение, что правда не существует, сколько то, что факты подчинены определенной точке зрения. Мастера «постправды» полагают, что острые международные противоречия формируют поведение, задают деятельность людей, которые пытаются адаптировать реальность под свои взгляды, не наоборот. По своей природе «альтернативные» факты обозначают информацию, которая бросает вызов объективным фактам. Фейковые новости – это дезинформация, похожая на фактические новости, создаваемая преднамеренно с целью достижения политического эффекта [McIntyre, 2018].

Термин «постправда» связан с политикой сознательной фальсификации правды. С помощью культуры «постправды» размываются границы между правдой и ложью, обман становится неосознаваемой привычкой. Для обоснования фальсификации правды с

³Цит. по электронному изданию Кембриджского словаря: «Post-truth – relating to a situation in which people are more likely to accept an argument based on their emotions and beliefs, rather than one based on facts».

целью сокрытия вины субъектами политики «постправды» подрывается доверие – основа здоровья нации, что ведет общество к кризису и разрушению [Keyes, 2004]. Недостовверная информация (пример – полуправда) существовала и раньше, но в течение последних нескольких лет она переросла в новый вид политики.

«Постправда» стала одной из характерных особенностей противостояний в современном мире, перехода к популизму и либерализму, их ценностей и приоритетов, а также особого состояния, выражающего разочарование и страдание общества от либерального класса, раздробленного политическими беспорядками [Davis, 2017]. В эпоху «постправды» широко используются «большие данные», процветают «теории заговора», снижается авторитет СМИ. Эмоции важнее фактов, социальные сети манипулируют общественным сознанием и поляризуют его. На политической арене честность политиков и достоверность информации больше не приоритет, к экспертам и науке относятся с подозрением, иногда с презрением [D'Ancona, 2017].

Термин «постправда» — новое понятие, однако эта проблема тесно связана с темой слухов, принимающих форму суждений, прогнозов, оценок, циркулирующих не только в устной и письменной межличностной коммуникации, но сегодня и в социальных сетях и Интернете. Слухи как форма распространения неподтвержденной социально значимой информации вследствие недостатка информации «не обладают достаточной и надежной информационной основой – наличием установленных фактов, событий и т.п.» [Андриянов и др., 1993: 82]. Г. Олпорт разработал формулу слухов: «количество циркулирующих слухов (R) будет меняться с изменением важности вопроса для заинтересованных лиц (i), умноженной на неоднозначность сведений, касающихся обсуждаемой темы (a)» [Олпорт, 2002: 139]. Важность и двусмысленность являются необходимыми условиями передачи слухов. Согласно Г. Олпорту, мотивационным фактором распространения слухов служит важность и интерес возможного их распространителя к теме.

В мире утверждается политика «постправды» как особый вид политической культуры, в сферах жизнедеятельности имеющая два проявления. С одной стороны, политики декларируют одно, а делают другое. С другой – полное игнорирование доказательств политиками. Культура «постправды», распространение заведомо недостоверной информации в обществе игнорирует объективные факты, противоречащие навязываемой точке зрения и политической реальности даже при полном опровержении ложной информации СМИ или независимыми экспертами.

«Постправда» как феномен современной политической культуры является социально-политическим явлением, деформирующим демократии и устойчивое развитие глобального и регионального обществ. С одной стороны, в «постправде» эмоции преобладают над фактами, рациональностью. С другой – «постправда» обозначает наличие в информационном поле фальсификации информации, подмены фактов, касающихся альтернативных точек зрения в СМИ, социальных сетях и других источниках в Интернете. Зачастую истина и правда отрицаются, поиск правды уходит на второй план. В-третьих, «постправда» интерпретируется как соотношение пропорций лживой и правдивой информации. Термин часто связывается с распространением информации, источник которой является ненадежным, как правило, мотивированным целями пиар-кампаний, популизмом и псевдонаукой.

Таким образом, «постправда» выступает как вид политической культуры, основанной на преднамеренных действиях по созданию, распространению и доведению до общества недостоверной информации, не соответствующей действительности полностью или отчасти посредством прямого интенсивного воздействия на эмоции и личные убеждения граждан, игнорируя неудобные факты и оценки с целью сформировать определенное общественное мнение.

Субъекты, цели и функции политики «постправды». Политика «постправды» имеет ряд субъектов, выступающих на разных уровнях управленческого воздействия на объект. Наиболее влиятельными субъектами являются политические деятели, главы государств, глобальные политические силы и международные организации, правительства, органы

государств. Средний уровень – политические организации и объединения, СМИ, эксперты, раскрывающие особенности, анализирующие сущность события или явления, доводящие факты до гражданского общества. На микроуровне – отдельные граждане, распространяющие недостоверную информацию в личных целях.

Цели политики «постправды» характеризуются рядом особенностей и зависят от возможностей управленческого воздействия субъекта, социально-психологического состояния общества, степени его веры и внушаемости, политической ситуации в мире и стране. Во-первых, целью политики «постправды» может быть формирование заданного субъектом политики общественного мнения, трансформация общественного сознания или социальных отношений путем призыва к эмоциям и личным убеждениям и преподнесения фальшивой информации общественности как правдивой через СМИ с использованием ИКТ. Во-вторых, субъект может быть заинтересован в проведении дезинформационной, спланированной политики, апеллирующей к похожим на реальность фактам, снижающей ценность знаний путем распространения фальсификаций, а также истины и достоверной информации как резервов общественного развития. В-третьих, цель политики «постправды» может заключаться в формировании противоречий, дезорганизации сложившихся социально-политических отношений на уровнях национальном и межгосударственном. В-четвертых, сокрытие достоверной информации, распространение лживых данных, искажение реального положения дел, подмена фактов в СМИ в интересах субъекта политики тоже может быть целью данной политики. В зависимости от цели субъектом подбираются методика и инструменты.

Основными функциями политики «постправды» являются управленческая, трансформационная и регулятивная. Управленческая функция связана с деятельностью субъекта политики «постправды» по трансформации социально-политического сознания социума путем призыва к эмоциям и личным убеждениям и преподнесения недостоверной информации через СМИ и другие электронные источники информации, использующие ИКТ. Трансформационная функция состоит в преобразовании информации в недостоверные факты, похожие на реальные, с целью распространения противоречий в обществе и навязывания определенной точки зрения. Регулятивная функция выражается в воздействии на общество с целью формирования необходимых ценностных образцов поведения, норм, установок, стереотипов.

Социологический анализ «постправды». Отдельные аспекты феномена «постправда» и его влияние на общественное мнение можно измерить с использованием социологического инструментария. Чаще всего исследователи анализируют распространение в гражданском обществе недостоверной информации, формирующей общественное сознание. Так, результаты исследования, проведенного сразу после выборов президента США исследовательской организацией «Pew Research Center», показали, что частично фальшивые новости в Интернете часто замечали 51% американцев, 27% видели такую информацию иногда, и 19% – почти никогда⁴. Почти каждый третий взрослый американец часто встречал в Интернете фальшивые политические новости, которые составлены из полностью фейковой информации (32%), 39% граждан иногда видели такую информацию, 26% – почти никогда (рис. 1).

Согласно тому же опросу американцы внесли непосредственный вклад в распространение поддельных политических новостей в Интернете, поделившись ими. Около четверти взрослого населения США никогда не делились фальшивыми политическими новостями в Интернете (23%). 30% взрослых американцев делились фальшивыми политическими новостями онлайн. Из них 16% респондентов позже узнали о том, что эти новости были

⁴ Доклад исследовательской компании «Pew Research Center» под названием «Многие американцы считают, что поддельные новости вызывают путаницу». Исследование проведено 1–4 декабря 2016 г., опрошено 1002 взрослых американца. URL: <http://www.journalism.org/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion/#fn-59275-1> (дата обращения: 20.03.2018).

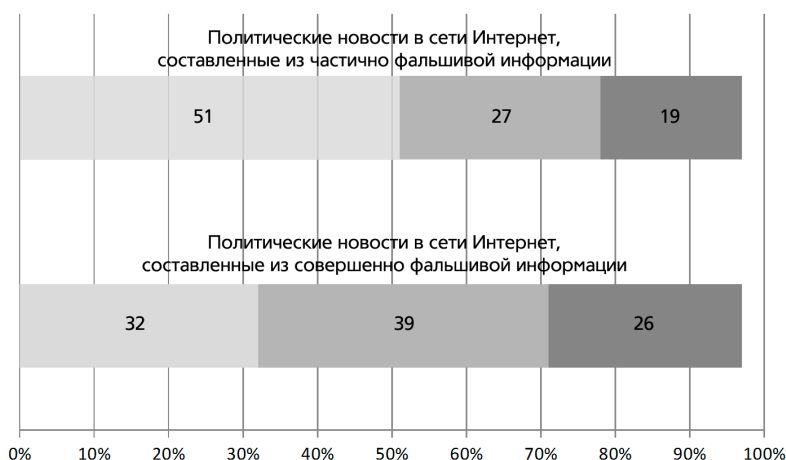

Рис. 1. Распределение мнений взрослых американцев относительно частоты встречаемости фальшивых политических новостей в Интернете, декабрь 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Источник: «Pew Research Center».

фальшивыми, а 14% – знали и осознанно делились этой информацией, чтобы рассказать всем о лжи или по другим причинам.

Политические новости, содержащие неправду, быстро распространяются в электронном поле коммуникации. Существенное ускорение им придают сами пользователи. Результаты исследования «Pew Research Center» показали, что 39% взрослых американцев точно уверены, что смогут идентифицировать фальшь политических новостей, 45% – частично уверены в своих силах, а 15% респондентов заявили, что совсем не уверены, что смогут отличить правдивую новость от новости, содержащей ложь.

Культура «постправды» распространилась по миру. По оценкам исследовательской организации «Edelman», опубликовавшей доклад «2018 Edelman Trust Barometer», уровень тревожности граждан в мире по поводу угрозы недостоверной информации и поддельных новостей высок, семь из десяти граждан в мире считали такие новости грозным оружием⁵. Самый высокий уровень обеспокоенности граждан фальшивыми новостями зафиксирован в Мексике, Аргентине, Испании, Индонезии (от 76 до 80% граждан видят угрозу в ложных новостях). А самый низкий уровень наблюдался во Франции, Швеции, Нидерландах (от 55 до 60%) (рис. 2).

Традиционные и электронные СМИ, социальные сети, поисковые системы, являющиеся институтами демократии, транслируют информацию таким образом, что среднестатистическому гражданину трудно отличить правду от лжи. По данным доклада «2018 Edelman Trust Barometer», 63% граждан в мире согласны с утверждением, что «среднестатистический человек не знает, как отличить правдивый текст журналиста от слухов и лжи», 59% согласились с тем, что «становится все труднее определить, была ли новость подготовлена уважаемой медиа-организацией».

Российский опыт социологического исследования «постправды» схож с зарубежным. В России социологи чаще всего измеряют уровень доверия граждан к СМИ, степень достоверности и возможные причины распространения различного рода недостоверной информации. В сознании россиян сформировался образ СМИ как источника информации, описывающий жизнь с лучшей стороны. Такую точку зрения, по данным исследования

⁵ Источник: 2018 Edelman Trust Barometer. Исследование проводилось в 28 странах мира. URL: <https://www.edelman.com/trust-barometer> (дата обращения: 21.03.2018).

Рис. 2. Распределение стран и административных единиц в мире по степени угрозы фальшивых новостей, 2018 г.

Источник: Edelman.

Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, разделяли 59% граждан. Противоположное мнение имели 4% граждан, 27% опрошенных сказали, что на радио и телевидении жизнь показывали такой, какая она есть⁶.

Борьба с распространением «постправды» в России имеет особенность. Цензуру и контроль за подачей и распространением информационных новостей осуществляет руководство большинства зарегистрированных СМИ, зачатую неформально подконтрольных государству. Результаты исследования Центра стратегических, социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН показали, что 29% россиян считали основной причиной распространения недостоверной информации через СМИ «преднамеренное искажение информации властью, негласную цензуру» (рис. 3).

Другие причины распространения недостоверной информации через СМИ, по мнению граждан, коренились в «зависимости журналистов от «денежных мешков» – 23%, «замалчивании событий» – 22%, «неискренности политиков» – 17% и «искажении информации журналистами» – 10% опрошенных. Насаждение «постправды» в России набирало обороты, начиная с 2013 г. На протяжении 11 лет наибольшее число россиян считали главной причиной зависимость журналистов от «денежных мешков». С 2002 г. число граждан, считавших, что журналисты зависят от «денежных мешков», снизилось с 54 до 23%. В 2013 г. в общественном сознании россиян первое место среди причин распространения недостоверной информации СМИ стала занимать точка зрения о «преднамеренном искажении информации властью, негласной цензуре».

В рейтинге источников СМИ, наиболее точно и достоверно отражающих обстановку в России, в июне 2013 г. лидировали Интернет (45%) и центральное телевидение (40%) (рис. 4). Третье место граждане отдали местному телевидению (23%). В 2004 г. достоверность информации в Интернете ставилась под сомнение достаточно большим числом россиян. За 9 лет почти в два раза выросло количество граждан, уверенных в том, что в Интернете наиболее точно и достоверно описывалась обстановка в стране.

Российские граждане по-разному оценивали уровень достоверности информации на российских радио и телевидении о событиях и жизни в стране. Устойчиво преобладающей оставалась точка зрения россиян о том, что достоверных и недостоверных передач о событиях и жизни в стране на российских радио и телевидении почти поровну. В июне 2014 г. такое мнение имели 50% респондентов (рис. 5). Пятая часть россиян считали, что радио и телевидение в основном недостоверно, предвзято показывали события (20%). Столько же граждан имели противоположное мнение: российские радио и телевидение достоверно, правдиво рассказывали о событиях (20%).

Политическая культура противостояния «постправде». Дискредитация журналистов, начавшаяся как следствие распространения фальшивых новостей, и трудность их распознавания обычными людьми привели к снижению уровня доверия граждан к СМИ и, тем самым, к дисфункциям демократии. Применение контроля и цензуры в цифровом поле может привести к краху демократических режимов и формированию авторитарных государств. Некоторые страны уже пошли по пути контроля потоков информации и введения цензуры в социальных сетях (Индонезия, Филиппины, Германия). Россия делает выбор в борьбе с политикой «постправды», распространяющейся в Европе и США, вводя на законодательном уровне запрет и закрытие информационных ресурсов, угрожающих

⁶ Здесь и далее приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» с участием автора Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. (науч. рук. В.К. Левашов). В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает взрослое население России.

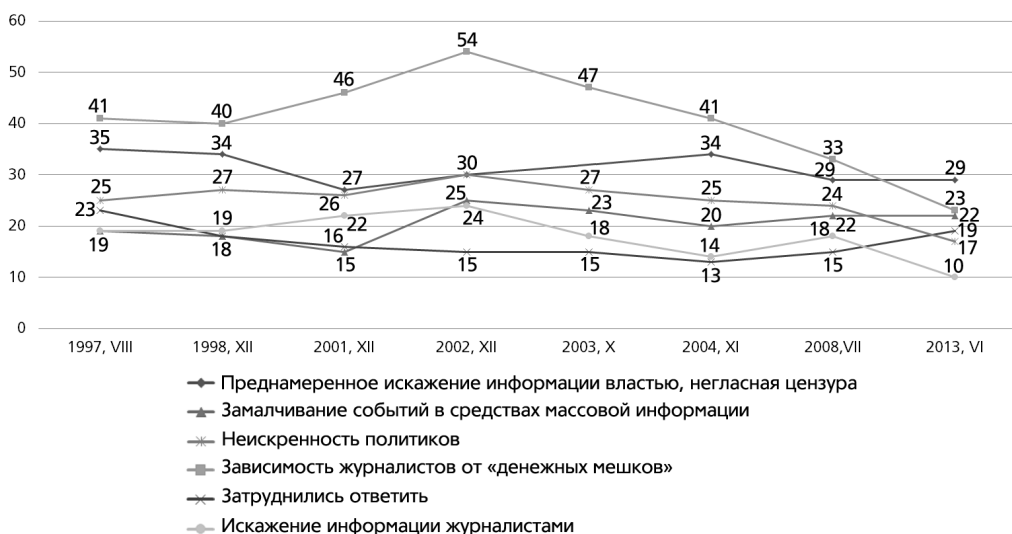

Рис. 3. Распределение ответов россиян на вопрос: «В чем, на ваш взгляд, причины распространения недостоверной информации через СМИ?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

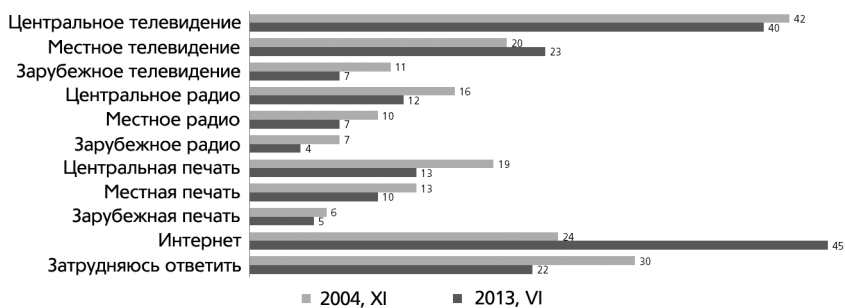

Рис. 4. Распределение ответов россиян на вопрос: «Какие источники массовой информации наиболее точно и достоверно, по вашему мнению, отражают сейчас обстановку в нашей стране?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

внутренней безопасности, удаление с сайтов недостоверной информации, обязывая социальные сети и мессенджеры предоставлять информацию о пользователях и их переписке.

С целью противодействия недостоверной информации и максимального снижения эффектов влияния на демократию есть смысл формировать политическую культуру, которая будет способна противостоять политике «постправды». Выработка ее концепции предполагает консолидацию усилий общественности, правительств, органов власти, СМИ, социальных сетей, электронных платформ, которые совместно, используя разнообразные рычаги воздействия и контроля, смогут поставить фильтры, отсеивающие недостоверную информацию.

Повышение информационной грамотности граждан укрепляет потенциал информационно-безопасности общества. Правительства могут поощрять независимую журналистику, профессионалов своего дела с целью развития демократии, свободы слова и отстаивания независимости СМИ от государственных органов без репрессий и цензуры, позволяя электронным платформам, социальным сетям и СМИ в Интернете нести

Рис. 5. Распределение ответов россиян на вопрос: «Как вы оцениваете достоверность информации на российских радио и телевидении о событиях и жизни в нашей стране?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

ответственность за распространение ложной информации. Обеспечение органами власти разного уровня достоверной официальной информации общественности о положении дел в стране или о различных событиях, задействовав большинство каналов коммуникации и информации, позволит снизить уровень воздействия недостоверной информации на граждан и распространения культуры «постправды». Новые цифровые технологии и алгоритмы помогут отыскать фальшивую информацию и идентифицировать ее распространителей. Гражданское общество в союзе с правовым государством обречены идентифицировать фальшивую информацию и создать условия свободного распространения культуры «контр-постправды», если они хотят получить достоверную картину социальной реальности и на ее основе строить эффективную политическую стратегию успешного старта в будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Андрянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. «Слухи» как социальный феномен // Социологические исследования. № 1. 1993. С. 82–88. [Andrianov I.V., Levashov V.K., Khlopyev A.T. (1993) «Rumors» as a Social Phenomenon. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.1: 82–88. (In Russ.)]
- Аристотель. Политика. М: АСТ, 2017. [Aristotle (2017) *The Politics*. Moscow: AST. (In Russ.)]
- Корецкая О.В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–3(73). С. 136–138. [Koretskaya O.V. (2017) «Post-truth» Concept as a Linguistic Phenomenon of the Modern English Media-discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. No. 7–3(73): 136–138. (In Russ.)]
- Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Кризис и риски устойчивого развития российского общества. По материалам XLV этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», декабрь 2016 года. М.: ИСПИ РАН, 2017. [Levashov V.K., Afanasev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. (2017) *Crisis and Risks of Sustainable Development of Russian Society. According to the Materials of XLV Stage of Sociological Monitoring «How Are You, Russia?», December 2016*. Moscow: ISPI RAN. (In Russ.)]
- Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002. [Allport G. (2002) *Becoming Personality. Selected Works*. Moscow: Smysl. (In Russ.)]

- Alterman E. (2004) *When Presidents Lie: a History of Official Deception and Its Consequence*. New York: Viking Penguin.
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru%B9/post-truth> (accessed 24.04.2018).
- D'Ancona M. (2017) *Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back*. London: Ebury Press.
- Davis E. (2017) *Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do About It*. London: Little, Brown.
- Keyes R. (2004) *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin's Press.
- Lippmann W. (1922) *Public Opinion*. New York: Macmillan.
- McIntyre L. (2018) *Post-truth*. London: MIT Press.
- Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (accessed 07.04.2018).
- Roberts D. (2010) Post-truth Politics. *Grist*. April, 1. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (accessed 15.04.2018).
- Tesich S. (1992) The Watergate Syndrome: A Government Of Lies. *The Nation*. January, 6/13: 12–14.
- Diccionario de la Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es?id=TqpLeOm> (accessed 26.04.2018). (In Span.)

Статья поступила: 17.04.18. Финальная версия: 30.07.18. Принята к публикации: 31.08.18.

«POST-TRUTH» IN SOCIAL REALITY: RISKS AND THREATS

SHUSHPANOVA I.S.

Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Russia

Irina S. SHUSHPANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher of the Center for Strategic social and socio-political research, Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (i.s.shushpanova@mail.ru).

Acknowledgements. The publication was prepared on the basis of studies carried out with the support of the RFBR, project No. 16-06-00289 and RFH, project No. 17-03-00557.

Abstract. In the current post-truth culture, the problem of reliable reflection of socio-political reality in the public consciousness is topical. Widespread dissemination of false, fake news is a threat to society and democracy. The term «post-truth» is ambiguously defined in scientific, journalistic circles, among politicians and public figures. The post-truth politics is reflected in the international arena, in conflicts between countries, as well as at the regional level in the battle for the votes. The post-truth culture spreads widely on the Internet, creating a non-alternative personalized «world of truth» for the user. Fake news is gradually becoming a source of concern for the authorities of many states, threatening their internal security and destabilizing international democratic order. Average citizen might hardly tell false information from truth. Information can undermine public trust of citizens and cause widespread protest activity against authorities and democratic values, discrediting both professional journalists, politicians, and the power structures. The fight against false sources of information in the electronic and digital field is gaining momentum. In order to prevent the spread of the post-truth culture, a number of countries have chosen a strategy for strengthening censorship and introducing control over information posted in various media. This way can lead to infringement on civic rights and freedoms, threat to democracy and emergence of authoritarian regimes. Another strategy is to consolidate efforts of civil society, state, means and sources of information dissemination and companies engaged in digital technologies. This – in sum – contributes to the fight against the post-truth culture.

Keywords: «post-truth», democracy, social networks, communication, public opinion, elections, information and communication technologies, reliable information, fake, false information.

Received: 17.04.18. Final version: 30.07.18. Accepted: 31.08.18.